

**Дмитрий
КОСЬМИНА**
г. Петрозаводск

«Вещий я угадываю голос...»

ВОСПОМИНАНИЕ

Листья осени, полумрак
и по камню колесный скрежет.
Колыхнется в затоне свежесть
для таких, как вот мы, бродяг.
Не кричи о своей любви —
город дрогнет, не понимая.
И замрут в поволоке мая
притомившиеся соловьи.
Сторонится любовь шумих,
и не знаешь, что будет дальше.
Все утонет в затоне фальши:
и лишь выживет этот миг?
Это странно и нелегко —
запинаясь, искать ответы.
А вокруг балаболит лето,
пусть невнятно, но глубоко.
Быт навалится, как всегда,
и заставит померкнуть лето.
И забудем мгновенье это,
словно не было никогда.
А пока посиди со мной,
будто мы и не расставались.
Мы любили — верней пытались
мы друг друга любить с тобой.

Дмитрий КОСЬМИНА

родился в г. Полярный 18 апреля 1991 года.

Студент V курса ФПСН ПетрГУ.

Стихи начал писать в школе.

Член поэтического общества г. Полярный «Зеленая лампа»,
лауреат конкурсов:

«Лишь ты смогла, моя Россия» (2004–2009),

«Наш берег», «Каверинских чтений»,

«Но если что-то в мире вечно, то это Родина моя»,
лауреат стипендии имени Роберта Рождественского.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Клочки бумаги, взорванная тишь,
разбитая на тысячи осколков.
Как просто: я кричу, а ты молчишь,
но словно бы ругаешь без умолку.
Лучами день играет на парче,
и только сумрак в сердце бесконечен,
И пустота неслышимых речей
в плену потухших в предвечерье свечек.
И ничего — лишь только темнота
и вздохи звезд из глубины столетий.
И странная боязнь, что где-то там
покажется ненужным кто-то третий.
Невидимая ось чужих колес
здесь правит бал, закручивая в вальсе.
Не надо обещаний или слез,
сейчас — любовь, а лишь потом покайся.
Клочки бумаги молча смоем дождь,
а все, что было, сдует южный ветер,
И снова день, и снова правит ложь,
и снова рядом ходит кто-то третий.
Пусть клирики на время замолчат,
пусть замолчат — ведь мы сейчас не в храме,
Пусть утром вспыхнет золотом парча,
а ночью молча все упрячет память.
Но режет свет уже ночную ткань,
и чью-то жизнь уже стирает ластик.
Я слышу молчаливое «пока»,
уходит ночь, и дверь раскрыта настезь.

СНИМОК

Этот снимок: накрытый стол,
И она посреди гостей,
И в раскрытой двери с пальто
Человек отряхает снег.
Этот снимок, как будто вскользь
Брошен издали как «привет»
Растворенный в потоке слез
С обещаниями в ответ.
И из глубы души, со дна,
Разбивая забытый лед,
Все настойчивее вина
Снова знать о себе дает.
Не уйти и не спрятать взгляд,
И теньями былого в ряд
Часовые вокруг стоят
И минувшее сторожат.
И себя мне не обмануть —
Эта боль глубоко в глуши,
Легче снег с рукава стряхнуть,
Чем давнишнюю боль с души.

ПРОЩАНИЕ

Поздней ночью в девятиэтажке
двое расстаются в тишине:
девушка в накинутой рубашке
прячет слезы в серую шинель.
Двое расстаются в безвременье —
гибкие, как вешняя лоза.
Руки от объятий онемели,
и тоской подернуты глаза.
Тут излишни сбивчивые речи,
вздохи, плач и клятвы на века,
только миг последней этой встречи
и молчанья тихая река.
Все остановилось на мгновенье,
только поезд выступит в ночи:
все ушло отныне и навеки,
больше не зови и не ищи...

* * *

В тамбуре, прокуренном насквозь,
я тебя увижу сквозь столетья,
словно увядающую гроздь
на к земле склоняющейся ветви.
Словно бы ушедшая в века
скрытница из давнего романа,
ты из глаз исчезнешь, а пока
будь со мной, не уходи так рано.
То ли до меня ты родилась,
то ли ты родишься много позже,
только в нашу призрачную связь
я вплетаюсь каждой клеткой кожи.
Ты — виденье сумрачного дня
посреди глубокой южной ночи,
ты еще предвестье для меня,
а не явь, представшая воочью.
Для меня наш тамбур — это мир,
для тебя весь мир лишь этот тамбур,
так своим молчаньем не томи,
ведь и что-то вымолвить пора бы.
И когда, как будто бы извне,
вещий я угадываю голос,
то, пронзенный множеством огней,
начинает замедляться поезд.
Я найду тебя когда-нибудь
среди этих сумерек и странствий,
и не помешает нам табу
на свиданье в сутолоке станций.
А сейчас за пологом травы
я стою и всматриваюсь в окна,
где давно уж без тебя, увы,
светит лампа мертвенно и блекло.